

Джек Лондон

Батар

*Часть сборника
Мужская верность (сборник)*

Джек Лондон

Батар

«ЭКСМО»

1904

УДК 821.111-32(73)

ББК 84(7Сое)-44

Лондон Д.

Батар / Д. Лондон — «Эксмо», 1904

ISBN 978-5-699-93179-8

«...Есть пословица, что если сойдутся два черта, то ад готов. Этого в особенности можно было ожидать от Батара и Блэка Леклера. Когда они встретились в первый раз, Батар был худым голодным щенком со злыми глазами, и эти глаза тотчас же увидели перед собою жесткий взгляд и оскаленные зубы, потому что и у Леклера губа поднималась совершенно так же, как у волка, и обнажала ряд белых острых зубов. И когда он нагнулся над Батаром и вытащил его из корзинки, в которой визжали щенята, то губа у щенка приподнялась и глаза злобно засверкали. Несомненно, щенок и человек угадали друг друга, потому что Батар в ту же секунду впился в руку Леклера своими маленькими, еще молочными, клыками, а Леклер с помощью большого и указательного пальцев стал хладнокровно выжимать из него молодую жизнь...»

УДК 821.111-32(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-93179-8

© Лондон Д., 1904

© Эксмо, 1904

Содержание

Джек Лондон

Батар

Перевод М. Чехова

Батáр был настоящим чертом. Это было признано всеми на Севере. Многие называли его дьявольским отродьем, но его хозяин, француз Блэк Леклер, предпочел дать ему позорную кличку Батар (ублюдок). Надо сказать, что и сам Блэк Леклер был тоже сущим чертом, так что парочка получилась подходящая. Есть пословица, что если сойдутся два черта, то ад готов. Этого в особенности можно было ожидать от Батара и Блэка Леклера. Когда они встретились в первый раз, Батар был худым голодным щенком со злыми глазами, и эти глаза тотчас же увидели перед собою жесткий взгляд и оскаленные зубы, потому что и у Леклера губа поднималась совершенно так же, как у волка, и обнажала ряд белых острых зубов. И когда он нагнулся над Батаром и вытащил его из корзинки, в которой визжали щенята, то губа у щенка приподнялась и глаза злобно засверкали. Несомненно, щенок и человек угадали друг друга, потому что Батар в ту же секунду впился в руку Леклера своими маленькими, еще молочными, клыками, а Леклер с помощью большого и указательного пальцев стал хладнокровно выжимать из него молодую жизнь.

– Чтоб тебя черт побрал!.. – тихо проговорил француз, высасывая кровь из ранки на руке и глядя, как маленький щенок кашлял и задыхался на снегу.

Леклер повернулся к Джону Хемлину, заведовавшему складами на Шестидесятой Миле.

– Вот этим-то он мне и понравился, – сказал он. – Эй вы, мсье, сколько вам дать за него? Сколько стоит? Я беру его. Покупаю немедленно.

Леклер возненавидел этого щенка с первой же минуты и потому купил его и дал ему позорную кличку Батар. Так эта пара и пропутешествовала потом вместе по всему Северу – от Сент-Майкеля и дельты Юкона до истоков Пелли и даже до Тихой реки в Атабаске и Большой Невольничьей реки. Оба они получили своеобразную репутацию необыкновенно жестоких существ; такой жестокости никто даже и не подозревал в отношениях между человеком и собакой. Батар – значит ублюдок, существо, не знавшее отца, но Джону Хемлину было отлично известно, что отцом этой собаки был большой серый волк. А мать Батара, как он ее смутно припоминал, была вечно рычавшая, бесстыжая, с жесткой шерстью, широколобая и широкогрудая собака с хитрыми глазами, с кошачьей живучестью и с большими способностями на всякого рода подлости и плутни. На нее ни в чем нельзя было положиться и ни в чем нельзя было ей доверять. Можно было верить только в ее постоянное вероломство да в ее похождения в глухих лесах. В родителях Батара было много злобы и много силы, и – плоть от их плоти и кость от их кости – он унаследовал от них все эти качества. А тут еще появился Блэк Леклер, чтобы наложить свою тяжелую руку на этого маленького, едва прозревшего щенка и чтобы всю жизнь давить его и держать в ежовых рукавицах, пока, наконец, из него не вырос большой, щетинистый, коварный и хитрый пес, полный мрачной ненависти и адской злобы. При другом, более хорошем, хозяине из Батара могла бы выработаться обычная, довольно работоспособная упряжная собака. Но такого случая ему не представилось, и Леклер развил в нем до последней степени его врожденные наклонности.

Повесть о Батаре и Леклере – это повесть о непрерывной войне, жестокой и неумолимой, продолжавшейся пять долгих лет; первая встреча была только соответствующей прелюдией к этой войне. Вина лежала, разумеется, на Леклере, который ненавидел с полным сознанием, тогда как длинноногий и неуклюжий щенок ненавидел слепо и инстинктивно. В первое время утонченной жестокости еще не было (она должна была появиться позже), а было просто грубое битье и дикое зверство. В один из таких моментов Леклер повредил Батару ухо. С той поры

Батар лишился навсегда способности двигать разодранным ухом и так на всю жизнь и остался вислоухим, с этим постоянным напоминанием о своем мучителе.

И он действительно о нем не забывал.

В дни своего детства Батар лишь неразумно сопротивлялся. Ему от этого приходилось еще хуже. Но он все-таки отвечал на удары, потому что таково уж было свойство его природы. Он никогда не сдавался. Остро визжа от боли после удара кнутом или дубиной, он тем не менее всегда, со своей стороны, посылал Леклеру вызов – рычание, мстительную угрозу, исходящую из глубины его души. На это Леклер не обращал внимания, и удары сыпались за ударами. Цепкость за жизнь у Батара была чисто материнская. Ничто не могло сломить его. От невзгод он процветал, от голодовок толстел и в страшной борьбе за жизнь выработал в себе необыкновенную сметку. От матери он унаследовал воровские ухватки и хитрость северной собаки, а со стороны волка-отца – храбрость и свирепость.

Может быть, оттого, что в нем текла волчья кровь, он никогда и не скулил. Щенячий визг его прекратился, как только он прочно стал на ноги, и он сделался после этого сразу же мрачным и угрюмым и при каждом удобном и неудобном случае стал быстро нападать, никогда об этом не предупреждая. На ругань он отвечал рычанием, на удары – зубами, которые оскалывал, чтобы выразить всю свою непримиримую ненависть к человеку. Но Леклеру никогда не удавалось вызвать в Батаре даже самой мучительной болью страха или визга от страдания. Эта несокрушимость еще больше подливала масла в огонь, и Леклер выходил из себя, проявляя все большее неистовство.

Стоило Леклеру дать Батару полрыбы, а его товарищам по целой, как Батар бежал к собакам и отнимал у них их порции. Он обворовывал также и тайники в снегу, куда складывались съестные припасы, и сделался, наконец, страшным пугалом и для собак, и для хозяев. Когда однажды Леклер побил Батара, а затем приласкал Бабетту, ту самую Бабетту, которая и наполовину не работала так, как Батар, он тотчас же набросился на нее, повалил в снег и своими крепкими челюстями раздробил ей заднюю ногу, так что Леклеру пришлось пристрелить Бабетту. В кровавых схватках со своими товарищами Батар неизменно побеждал их всех, диктовал им свои законы, как ходить в упряжи и как получать пищу, и они покорно подчинялись его авторитету.

За все пять лет он услышал одно ласковое слово, и один только раз его погладили по спине – он даже не понял, за что на него свалилась такая милость. Он вскочил, как настоящий дикий зверь, и его челюсти мгновенно сомкнулись. Его погладил и сказал ему ласковое слово миссионер из Санрайза, недавно приехавший на Север. А вслед за тем миссионер полгода был лишен возможности писать письма на родину в Штаты, и хирург из Мак-Квестшена нарочно проехал двести миль по льду, чтобы спасти его руку от заражения крови.

И люди и собаки держались настороже, как только Батар попадал в лагерь и посты. Люди встречали его угрожающе поднятыми для пинков ногами, а собаки ошетинились и скалили клыки. Случилось, что какой-то человек нечаянно задел Батара. С чисто волчьей хваткой Батар сомкнул свои челюсти, точно западню, и ввелся в икру этого человека до самой кости. Пострадавший тут же решил прикончить Батара, но между ним и Батаром вдруг неожиданно встал Блэк Леклер и со зловещим огоньком в глазах обнажил свой нож. Зарезать Батара – ах, черт возьми, да разве это не составляло заветной мечты самого Леклера, но выполнение ее он приберегал для самого себя! Ведь все равно это когда-нибудь должно случиться, а тут вдруг собирався прикончить Батара кто-то другой. Нет, ни за что на свете! Батара убьет только сам Леклер. Этот вопрос решен.

Они сделались необходимыми друг для друга. Ненависть их связала так, как не могла бы связать любовь. Леклер решил добиться, чтобы Батар смирился перед ним, стал раболепствовать и скулить у его ног. А Батар... Леклеру известны были все мысли Батара, и он неод-

нократно читал их в его глазах. Он читал их настолько ясно, что в тех случаях, когда Батар находился за его спиной, Леклер непрерывно оглядывался через плечо.

Все удивлялись, когда Леклер отказывался продать Батара даже за большие деньги.

– Ведь вы рано или поздно убьете эту собаку, – сказал ему однажды Джон Хемлин, увидев, как Батар получил такой удар от своего хозяина, что почти без чувств повалился на землю. – Тогда уж ничего не получите.

– Это уж мое дело, мсье, – сухо ответил Леклер.

И никто не знал, целы ли остались ребра у собаки, так как страшно было к ней подойти.

Удивлялись также и тому, почему до сих пор Батар не сбежал от своего хозяина. Никто не мог этого понять. Но сам Леклер понимал. Он долго прожил на лоне природы, в глуши, где по месяцам не слышно было человеческого голоса, и научился понимать завывание ветра и бури, ночные шорохи, трепетный шепот утра и разбираться в разноголосице шумного дня. Хотя и смутно, но он слышал, как растут растения, как течет по стволам древесный сок, как лопаются молодые почки, и понимал голоса зверей и птиц: голос кролика, попавшего в западню, сердитого ворона, разрезающего воздух острыми крыльями, голос ночной птицы, купающейся в лунном свете, и голос волка, крадущегося, подобно серой тени, в темноте ночи. И ему было понятно, что творилось в Батаре. Леклер отлично знал, почему Батар не убегал от него, и потому-то оглядывался через плечо, когда Батар был за его спиной.

Страшен был Батар в разозленном состоянии – часто он бросался на Леклера, чтобы схватить его за горло, но тут же летел в снег, получив жестокий удар рукояткой бича, и долго лежал в судорогах, почти без чувств. Такие случаи приучили его к терпеливому ожиданию. Когда он достиг полного расцвета своих физических сил, то решил было, что пришло его время. Он стал широкогрудым, с могучими мускулами, ростом выше самой высокой собаки. Вся его шея от головы до плеч была покрыта грубой щетиной, как у настоящего волка. Леклер спал, закутавшись в свои меха, когда Батар решил, что время действовать настало. Крадучись с низко опущенной к земле головой, с прижатым к голове ухом, чисто кошачьей неслышной поступью, он подполз к своему хозяину, едва дыша, и поднял голову только тогда, когда был совсем близко от Леклера. Он приостановился на мгновение и взглянул на загорелую, толстую и жилистую, как у быка, шею, в которой бился пульс. Созерцая ее, он обнажил клыки и втянул в пасть язык; он вспомнил и разорванное ухо, и неисчислимые побои, и все те ужасные обиды, которые были ему нанесены. И не издав ни малейшего звука, он бросился на спавшего.

Леклер проснулся от невыносимой боли – клыки Батара вонзились ему в горло; сам недалеко уйдя от животного, он проснулся с совершенно ясной головой и в полном сознании. Обеими руками он сдавил горло Батару и выскочил из-под мехов, чтобы навалиться на него всю тяжестью своего тела. Но ведь тысячи предков Батара недаром впивались зубами в глотки бесчисленных оленей и лосей и сваливали их с ног: ловкость предков перешла и к нему. Когда Леклер навалился на него, Батар вытянул задние ноги вверх и заработал ими вдоль груди и живота Леклера, разрывая на них кожу и мускулы. Когда же Батар почувствовал, что тело человека стало над ним корчиться, он стал рвать человека и за горло. Их с рычаньем окружили другие упряжные собаки, и Батар, чувствуя, что у него скоро прервется дыхание и он лишится чувств, все-таки сознавал, что собаки только и ждут, как бы наброситься и растерзать его. Но не это смущало его, все дело было в этом человеке – в человеке, который находился сейчас над ним, и он рвал, грыз, тряс и тянул его изо всех своих сил. Но Леклер продолжал душить его обеими руками, пока Батар не стал судорожно хватать воздух, глаза его покрылись мутной пленкой и наконец закатились. Тогда его челюсти медленно разжались, и высунулся черный распухший язык.

– Что, дьявол, хорошо? – пробормотал Леклер, выплевывая затопившую его горло и рот кровь и оттолкнув от себя полуживого пса.

А затем он криками отогнал остальных собак, напавших было на Батара. Собаки расступились, выжидательно уселись на задние лапы и, ошетилив шерсть, стали облизываться.

Батар быстро пришел в себя и, услышав окрик Леклера, поднялся на лапы и слабо потянулся.

– А-а-а!.. Проклятый черт! – забормотал Леклер. – Я тебе покажу. Я тебя доконаю! Ты у меня берегись!

Воздух наполнил измученные легкие Батара и опьянил его, как вино. Он бросился опять к лицу Леклера, но промахнулся, и его челюсти захлопнулись, звонко щелкнув одна о другую. Оба снова сцепились и раз и другой перевернулись на снегу. Леклер поспешно работал кулаками; потом они расцепились и, все время смотря друг другу в глаза, стали кружиться. Конечно, Леклер мог бы легко использовать свой нож. К тому же около него всегда лежала наготове и винтовка. Но в нем самом теперь проснулся и заговорил дикий зверь. Он решил справиться с Батаром одними руками и зубами. Батар подскочил, но Леклер ударом кулака сбил его с ног, навалился на него всем телом и вонзил свои зубы собаке в плечо до самой кости.

Это была борьба, напоминавшая далекое прошлое, времена дикой юности земли. Площадка в темном лесу, кольцо скулящих волкодавов, в центре кольца два сражающихся зверя, вонзающие друг в друга зубы, рычащие, беснующиеся, задыхающиеся, одичавшие от страсти и жаждущие убийства, терзающие друг друга в своей изначальной, первобытной жестокости.

Леклеру удалось наконец ударить Батара кулаком по затылку, свалить его на землю и на некоторое время оглушить. Тогда он вскочил на собаку ногами и стал подсакивать на ней, точно желая вдавить ее тело в землю. И когда обе задние ноги у Батара были переломлены, Леклер остановился и перевел дыхание.

– А-а-а! – закричал он, не в силах больше говорить и потрясая кулаками.

Батар был неукротим. Он беспомощно валялся на земле, но все еще силился оскалить зубы и зарычать, хотя был уже настолько слаб, что не мог этого сделать. Леклер пнул его ногою, и обессилевшие челюсти собаки схватили его за пятку, но не могли укусить.

Тогда Леклер взял бич и стал полосовать Батара, точно хотел рассечь его на куски, и при каждом ударе повторял:

– Уж на этот раз я сломя тебя! Что? Не веришь? Нет, уж на этот раз я сломя тебя!

В конце концов, истощенный до крайности, ослабев от потери крови, Леклер оказался не в силах владеть собой и упал на свою жертву; а когда похожие на волков собаки, жаждавшие мести, сомкнули свой круг, то он, прежде чем потерять сознание, успел навалиться на Батара всем телом, чтобы укрыть его собою от их обнажившихся клыков.

Это произошло недалеко от Санрайза, и миссионер, который через несколько часов после этого открыл дверь Леклеру, был немало удивлен тем, что в запряжке его саней не увидел Батара. Его удивление увеличилось еще более, когда Леклер сам откинул полость с саней, взял из саней Батара на руки и, пошатываясь, внес его в хижину. Случилось так, что и хирург из Мак-Квестшена как раз приехал в гости к миссионеру. Увидав рану на шее Леклера, он хотел осмотреть ее.

– Mersi¹, не нужно... – сказал Леклер. – Вы сначала займитесь собакой. Вы говорите, она издохнет? Нет, это не годится! Я еще должен сломить ее. Вот почему ей нельзя еще умирать.

То, что Леклер поправился, по мнению хирурга, было необычайно, а миссионер назвал это чудом. Но Леклер зато так ослабел, что весной не устоял против лихорадки и свалился. Что же касается Батара, то его положение было еще хуже; но его живучесть превозмогла все: кости у него на ногах срослись, внутренние органы зажили, и, пролежав связанным несколько недель на полу, он наконец поправился. Тем временем выздоровел от лихорадки и Леклер и уже грелся на солнышке, сидя у порога своей хижины. Батар успел восстановить свое верховенство над

¹ Mersi – по-французски – благодарю.

всеми собаками и привел в повиновение не только ту запряжку, в которой ходил, но и собак миссионера.

Он не повел ни единым мускулом и не пошевелил ни одним волоском, когда поддерживаемый миссионером Леклер впервые вышел из хижины и медленно, с крайней осторожностью, опустился на трехногую табуретку.

– Bon², – сказал Леклер. – Хорошо! Славное солнце!

И он вытянул вперед свои исхудавшие руки и стал растирать их на солнечном тепле. Потом его взгляд упал на Батара, и в глазах у него вдруг зажегся прежний огонек. Он слегка коснулся руки миссионера.

– Mon père³, – сказал он, – этот Батар – страшный дьявол. Принесите мне револьвер, иначе мне не придется посидеть на солнце спокойно!

И много дней просидел он на солнце, у порога своей хижины. Он никогда не позволял себе задремать, и револьвер все время лежал у него на коленях наготове. Батар же, со своей стороны, усвоил привычку каждое утро смотреть, лежит ли оружие на привычном месте. Увидев его, он чуть-чуть приподнимал верхнюю губу – в знак того, что понимал, а Леклер, в свою очередь, тоже поднимал губу, чтобы ответить ему улыбкой. Миссионер заметил это.

– Боже мой! – воскликнул он. – Я начинаю думать, что животное понимает!

Леклер слабо усмехнулся.

– Вот посмотрите, mon père, – сказал он, – как он сейчас прислушивается к каждому моему слову!

И, как бы в подтверждение этих слов, Батар едва заметно пошевелил своим неизуродованным ухом и насторожил его, чтобы лучше слышать.

– Я говорю: убью!

Батар глухо зарычал и ошетинился. Каждый его мускул напрягся в ожидании.

– А теперь я поднимаю револьвер, – продолжал Леклер, – вот так! – И в подтверждение своих слов он медленно прицелился в Батара.

Одним прыжком Батар отскочил к хижине, быстро обогнул ее и скрылся из виду.

– Изумительно! – повторил миссионер.

Леклер гордо улыбнулся.

– Но почему он не убежит от вас?

Плечи Леклера приподнялись – излюбленный жест французов, который означает все что угодно – в пределах от полнейшего недоумения и вплоть до полного понимания.

– Так почему же вы тогда его не убьете?

Леклер снова приподнял плечи.

– Mon père, – ответил он не сразу. – Не пришло еще время. Он настоящий черт. Когда-нибудь я переломлю его вот так, на маленькие кусочки. Что? Да, когда-нибудь! Bon!

Настал наконец день, когда Леклер собрал всех своих собак, погрузил их на судно и спустился вместе с ними до Сороковой Мили и далее до Паркюпайны, где получил поручение от Тихоокеанской Коммерческой Компании, и на значительную часть года отправился в путь. После этого он поднялся по Койокуку вплоть до покинутого Полярного городка, а затем вернулся по течению Юкона, переезжая от стоянки к стоянке. И в течение всех этих долгих месяцев Батар получил основательную выучку. Он переносил всевозможнейшие мучения, испытывал голод и жажду, страдал от жары, но больше всего томился от музыки.

Как большинство представителей его породы, он не любил, когда играли на музыкальных инструментах. Музыка доставляла ему какое-то утонченно-мучительное беспокойство, вытягивала из него один нерв за другим и раздирала на части все его существо. Она заставляла

² Bon – по-французски – хорошо.

³ Mon père – по-французски – отец мой, батюшка.

его долго по-волчьи выть, точь-в-точь как волки воют в морозные звездные ночи. В борьбе с Леклером это было его единственным уязвимым местом, тут он позорно сдавался. Леклер же страстно любил музыку – так же страстно, как любил выпивку. Когда настроение его искало себе выхода, ему нужно было или то или другое, но чаще всего и то и другое вместе. Когда же он напивался и, пьяный, вдруг вспоминал, что еще не услаждал себя музыкой, бес пробуждался в его душе, и он изощрялся в том, как бы изысканнее помучить Батара.

– Теперь мы немного займемся музыкой, – обычно говорил он. – А? Что ты на это скажешь, Батар?

У него была старая гармоника, которую он берег как зеницу ока. Хоть и старая, она все же была первосортная, и из-под ее клапанов он извлекал такие чарующие, томящие звуки, каких не слышал еще ни один человек. Когда он начинал на ней играть, у Батара судорожно сжималось горло, и, стиснув зубы, он шаг за шагом пятился в дальний угол хижины. А Леклер все играл и играл, держа под мышкой наготове дубину, и следовал за животным шаг за шагом до тех пор, пока ему некуда было деваться.

Сперва Батар старался съежиться в комок и занять как можно меньше места на полу, но когда музыка приближалась к нему вплотную, он против воли поднимался на задние лапы, прижимался спиной к бревенчатой стене и начинал махать в воздухе передними лапами, точно для того, чтобы отогнать от себя доносившиеся до него звуковые волны. Он крепко стискивал зубы, и все тело его подергивалось от жестоких мускульных сокращений, пока, наконец, он, дрожа как лист, не замирал в тупом, молчаливом страдании. По мере того как он терял самообладание, его челюсти раздвигались, и он издавал глубокие гортанные звуки, слишком низкие для того, чтобы их могло воспринять человеческое ухо. А затем, расширив ноздри, широко открыв глаза и ошетилившись от бессильной злобы, он начинал протяжно выть по-волчьи. Вой разрастался до самой высокой душераздирающей ноты, а затем превращался в скорбные рыдания; снова наступал подъем, все выше и выше, и опять надрывали душу рыдания, выражая безысходную тоску.

Это был настоящий ад. С дьявольской пронизательностью Леклер, казалось, угадывал каждый отдельный нерв собаки; протяжными стонами, дрожащими переливами, которые он извлекал из своей гармоники, он старался довести собаку до последнего отчаяния. Для Батара это было ужасной пыткой, и в течение суток после таких концертов он оставался в таком нервном напряжении, что вскакивал при самых обычных звуках и пугался своей собственной тени – и все-таки, несмотря ни на что, по-прежнему оставался злым и непримиримым по отношению к своим товарищам по запряжке. Он и не думал признавать себя побежденным. Пожалуй, он становился от этого все более мрачным и угрюмым, поджидая чего-то с упорным терпением, которое начинало озадачивать и приводить в смущение и самого Леклера. Целыми часами собака лежала у огня без малейшего движения, уставившись на Леклера полными ненависти, скорбными глазами.

Порой человеку казалось, что он посягнул на самую сущность жизни, которая заставляла ястреба, подобно пернатой молнии, падать вдруг на землю, серых гусей совершать свои перелеты через океан, мчала лосося на расстояние двух тысяч миль по кипящим водам Юкона.

В такие минуты Леклер остро чувствовал, что и сам должен проявить свою непобедимую сущность; и с помощью виски, своей необычайной музыки и при участии Батара он предавался диким оргиям, во время которых противопоставлял свою слабую силу всему и бросал вызов тому, что было, есть и будет.

– Что-то такое там таится! – утверждал он, стараясь проникнуть в сокровенные тайны бытия Батара и заставляя его жалобно выть. – И я вытяну из него это *что-то* обеими моими руками, вот так и вот так! Ха-ха! Это будет забавно! Это будет очень забавно! Попы поют, бабы молятся, люди ругаются, птички распевают. Батар воет – все это одно и то же! Ха-ха!

Отец Готье, очень достойный священник, однажды стал укорять Леклера за такие слова и пригрозил ему вечными муками. Но больше он никогда не отваживался на такие разговоры.

– Быть может, оно и так, *mon père*, – возразил Леклер, – а мне кажется, что я пройду сквозь вашу преисподнюю, как саламандра через огонь, да еще буду огрызаться. А, *mon père*?

Но все, и доброе и злое, имеет свой конец; так случилось и с Блэком Леклером. Летом, во время половодья, он отправился на плоскодонке из Мак-Дугалла в Санрайз. Покинул он Мак-Дугалла вместе с Тимоти Брауном, прибыл в Санрайз один. Далее выяснилось, что накануне отъезда они поссорились. Маленький десятитонный колесный пароходик «Лиззи», вышедший на сутки позже их, обогнал Леклера в пути и прибыл на три дня раньше его. Когда же наконец в Санрайз прибыл и Леклер, то у него на плече оказалась огнестрельная рана и был заранее готов рассказ о какой-то засаде и о нападении туземцев.

В Санрайзе в то время как раз были открыты золотые россыпи, и обстоятельства значительно переменились. С появлением нескольких сотен золотоискателей, большого количества спиртных напитков и шести-семи притонов миссионер увидел, что все его многолетние труды по просвещению индейцев свелись на нет. Когда же индейские женщины завели столовые и стали поддерживать огонь для холостяков, а индейцы обменивать свои лучшие меха на бутылки виски и сломанные часы, то он прошел к себе в спальню, прочел несколько раз «Помилуй мя, Боже!» – и уехал в челноке, чтобы сдать свои дела. С его отъездом содержатели притонов переехали со всеми своими рулетками и игорными столами в помещение миссии, и стук бильярдных шаров и звон стаканов стали оглашать дом миссии с утра до вечера и с вечера до утра.

Нужно сказать, что Тимоти Браун пользовался большой популярностью среди авантюристов Севера. Правда, у него были кое-какие недостатки, а именно: он был вспыльчив и тяжел на руку, но по сравнению с его всегдашней добротой и незлобивостью это считалось пустяками. Но не было ничего, что могло бы послужить в пользу Блэка Леклера. Все считали его злодеем, и ни один из его неблагоприятных поступков не был забыт. Его все ненавидели, Брауна все любили. Поэтому, едва только Леклер появился в Санрайзе, ему наложили на плечо антисептическую повязку и потащили на суд Линча.

Дело казалось очень несложным. Он поссорился с Тимоти Брауном в Мак-Дугалле. Отплыл он из Мак-Дугалла вместе с Тимоти Брауном, прибыл же в Санрайз без Тимоти Брауна. Принимая во внимание его порочность, все единогласно решили, что именно он убил Тимоти Брауна. Со своей стороны, Леклер возражал против такого решения и, не отрицая приведенных фактов, предлагал собственные объяснения. Они вместе с Тимоти Брауном плыли вдоль скалистого берега, и когда были уже в двадцати милях от Санрайза, с берега раздался два выстрела. Тимоти Браун вывалился из лодки, пуская красные пузырьки. Это и было концом Тимоти Брауна. Он же, Леклер, свалился на дно лодки с сильной болью в плече. Он притаился на дне ее и тихонько стал наблюдать. Тогда двое индейцев высунули головы из-за кустов, а потом вышли на берег, неся с собою лодчонку из березовой коры. Пока они спускали лодку на воду, Леклер начал стрелять в них; он подстрелил одного, который, на манер Тимоти Брауна, перевалился через борт в воду. Другой свалился на дно лодчонки, а потом обе лодки поплыли по течению. Лодки наткнулись на остров; одна лодка обогнула остров с одной стороны, а другая с другой. Больше он индейской лодки не видал и так доплыл до Санрайза. Кстати: судя по тому, как подпрыгнул после выстрела Леклера индеец в своей лодке, можно предположить, что он окончил свои дни. Вот и все.

Объяснение не было признано удовлетворительным, тем не менее казнь отсрочили на десять часов, пока «Лиззи» не вернется с расследования. Через десять часов пароходик действительно с пыхтеньем вернулся в Санрайз. Нечего было и исследовать. Не было абсолютно никаких данных, которые могли бы подтвердить показания Леклера. Ему предложили напи-

сать духовное завещание на участок в Санрайзе, на который он сделал заявку и который оценивался в пятьдесят тысяч долларов. Таким образом, преступника не лишали прав состояния.

Леклер пожал плечами.

– Только об одном прошу я вас, – сказал он, – только об одной милости, как вы это называете. Пятьдесят тысяч долларов я отказываю на церковь. А свою упряжную собаку Батара я завещаю дьяволу. Я немного прошу у вас: сначала вы повесьте Батара, а затем меня. Хорошо? А?

Они согласились. Ладно! Пусть это чертовское отродье раньше пробьет дорогу в ад своему хозяину, согласно его последней воле! И заседание суда было перенесено на берег реки, где одиноко росла большая старая сосна. Слекуотер Чарли сделал мертвую петлю на конце веревки, накинул ее через голову Леклеру, туго затянув вокруг шеи. Руки у Леклера были связаны за спиной, и ему помогли влезть на ящик из-под галет. Другой конец веревки был привязан к суку сосны, и веревка была туго натянута. Стоило только теперь выбить у Леклера из-под ног ящик, и все было бы кончено.

– Теперь насчет собаки, – сказал Уэбстер Шоу, бывший когда-то горным инженером. – Тебе придется связать ее, Слекуотер.

Леклер усмехнулся. Слекуотер сунул себе в рот жевательного табаку, пропустил через зубы слюну и начал наматывать на руку веревку. Он несколько раз останавливался, чтобы согнать с лица особенно назойливых комаров. Впрочем, все кругом отгоняли комаров, кроме Леклера, вокруг головы которого вилась их целая туча. Даже вытянувшийся на земле во всю свою длину Батар передними лапами отгонял насекомых от глаз и рта.

Но пока Слекуотер ожидал, когда Батар сообразит поднять свою голову для петли, в спокойном воздухе вдруг раздался пронзительный крик, и какой-то человек, размахивая изо всех сил руками, бежал во всю прыть от Санрайза по направлению к месту казни. То был заведующий местным складом.

– Стойте! – кричал он, тяжело дыша и врезаясь в толпу. – Обождите! Только сию минуту вернулись маленький Сэнди и Бернадот, – спешил он объяснить, когда получил наконец возможность дышать. – Они высадились там, внизу, и прибежали ко мне прямым путем, наперерез. С ними и Бобр. Они его поймали на его лодчонке, в боковой заводи; он ранен двумя пулями. Другим индейцем, оказывается, был Кло-Куту, тот самый, который в прошлом году заколотил до смерти свою жену и удрал!

– А? Разве я вам этого не говорил? – с торжеством воскликнул из своей петли Леклер. – Как раз тот самый и есть! Я ведь знаю, я вам правду говорил!

– Проучить бы этих проклятых сивашей!.. – проговорил Уэбстер Шоу. – Разжирели, черти, и зазнались. Следовало бы их также пригвоздить. Созовите всех здешних индейцев и вздерните в назидание всем этого Бобра! Пусть это будет следующим номером программы! А теперь пойдете и выслушаем, что он скажет нам в свое оправдание?

– Эй, мсье, – закричал Леклер сверху, когда толпа двинулась к Санрайзу, утопая в дымке начинавшихся сумерек. – Мне тоже хотелось бы посмотреть там на представление!

– Мы вас освободим, когда вернемся! – прокричал ему в ответ Уэбстер Шоу через плечо. – А пока что подумайте-ка о своих грехах и о неисповедимых путях провидения. Вам это будет полезно. После благодарить будете!

Как это бывает с людьми, привыкшими ко всяким приключениям и обладающими крепкими нервами, Леклер приготовился к долгому ожиданию и примирился с ним. Но его тело не могло примириться: туго натянутая веревка принуждала Леклера стоять все время навтыжку. Как только начинали подгибаться колени, петля постепенно суживалась вокруг шеи, вытянутое же положение причиняло ему сильную боль в плече. Он выпятил вперед нижнюю губу и старался дыханием хоть сколько-нибудь отогнать комаров от глаз. Но и в таком положении он находил для себя своеобразное утешение. Быть выхваченным из когтей смерти все-таки сто-

ило того, чтобы немножко помучиться. Жаль только, что ему не удастся посмотреть, как будут вешать этого самого Бобра. В таком направлении шли его размышления, пока наконец его взор не упал случайно на Батара, который в это время, вытянувшись во всю длину и положив голову между лап, спал около него на земле. Он стал внимательно наблюдать за животным – не притворство ли этот сон? Бока Батара равномерно поднимались, но Леклер не мог не заметить, что собака дышала несколько чаще обычного, и в теле ее была напряженность и настороженность. Он отдал бы даром всю свою заявку в Санрайзе, чтобы узнать, спит собака или притворяется. У Леклера громко хрустнул сустав, и он тотчас же быстро посмотрел на Батара, не разбудило ли это его. Батар не шелхнулся. Но через несколько минут он поднялся, медленно и лениво потянулся и внимательно посмотрел кругом.

– Ах, черт его побери! – проговорил Леклер, затаив дыхание.

Убедившись, что его теперь никто не услышит и не увидит, Батар сел, искривил свою нижнюю губу так, точно хотел улыбнуться, посмотрел вверх на Леклера и облизнулся.

– Значит, теперь мне конец! – проговорил Леклер и громко засмеялся.

Батар приблизился к нему, причем его разодранное ухо трепалось, как тряпка, а здоровое насторожилось, и вся морда выражала дьявольскую злость. Он склонил голову набок и стал кружить вокруг ящика. Затем потерялся о него спиной и толкнул его раз-другой. Стараясь удерживать равновесие, Леклер стал переступать на ящике ногами.

– Батар, – спокойно сказал он. – Смотри, как бы я не убил тебя!

В ответ на эти слова Батар зарычал и толкнул ящик сильнее. Затем он встал на задние лапы, а передние поставил на край ящика. Леклер брыкнул было его ногой, но веревка от этого движения впилась ему в шею, и он чуть не потерял равновесия.

– Пошел прочь! – закричал он. – Вон! Убирайся отсюда!

Батар отошел от ящика шагов на двадцать с таким дьявольски хитрым видом, что Леклер не мог обмануться в его намерении. Он вспомнил, как Батар ломал крепкий лед, отступая на несколько шагов и затем бросаясь и наваливаясь на него всем телом. И, вспомнив об этом, он понял, о чем думал Батар. Батар же остановился, обернулся и, точно усмехнувшись, показал белые зубы.

Леклер ответил ему такой же усмешкой.

А затем Батар вихрем бросился к ящику и изо всех сил толкнул его.

Через четверть часа вернулись Слекуотер Чарли и Уэбстер Шоу. Они увидели, как в сумерках, точно ужасный маятник, качался взад и вперед человек. Подойдя ближе, они разглядели уже окоченевшее тело и что-то живое, что впилося в тело зубами, трясло его, терзало и заставляло качаться из стороны в сторону.

– Прочь! Пошел вон! – завопил Уэбстер Шоу. – Дьявольское отродье!

Но Батар только посмотрел и угрожающе зарычал.

Слекуотер Чарли достал револьвер, но его рука дрожала как в лихорадке, и он колебался.

– Возьми ты, – сказал Чарли, передавая оружие товарищу.

Уэбстер Шоу коротко засмеялся, нацелился собаке в лоб, между сверкавших глаз, и нажал курок. Тело Батара дрогнуло, на мгновение забилося в судорогах и вытянулось. Но зубы его все еще оставались в теле Леклера, и челюсти были крепко сжаты.